

Прецедентные феномены как результат текстовой редукции

З. К. Сабитова

д.ф.н. профессор КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье анализируются прецедентные феномены как результат текстовой редукции, рассматриваются их различные типы: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя, прецедентное высказывание, особенности их функционирования в лингвокультуре, трансформированные прецедентные тексты как проявление карнавализации языка.

Вся наша жизнь проходит в текстовом окружении, из текстов различных типов мы получаем большую часть информации о мире. М.М. Бахтин, теория диалога которого подготовила почву для интертекстуальных исследований, писал: «Я живу в мире чужих слов, и вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова..., начиная от их освоения (в процессе первоначального овладения речью) и кончая освоением богатств человеческой культуры (выраженных в слове или в других знаковых материалах... Все слова для каждого человека делятся на свои и чужие, но границы между ними могут смещаться, и на этих границах происходит напряженная диалогическая борьба» [1, 367-368].

Термин «прецедентный текст» (ПТ) был впервые введен Ю.Н. Карауловым. Прецедентными Ю.Н. Караулов называет тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, 216].

К ПТ относятся цитаты из художественных произведений, мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и другие устойчивые речевые формулы, напр.: *Свежо предание, да верится с трудом; Герой нашего времени; Все смешалось в доме Облонских; Книги имеют свою судьбу; Покой нам только снится; Колобок, колобок, я тебя съем; Москва не сразу строилась; Миллион-миллион алых роз; краеугольный камень; заблудшая овца* и др. ПТ может быть и имя собственное, напр., имя исторической личности, персонажа литературного произведения, киногероя: *Чингисхан, Наполеон, Абылай хан, Кобланды, Шерлок Холмс,*

Баян-сулу, Красная Шапочка, Анна Каренина, Рембо и др.

ПТ играют чрезвычайно важную роль в культуре общества и создаваемых этим обществом произведениях. Одним из основных источников прецедентности в европейской литературе является текст Библии. К прецедентным текстам, используемым в европейской культуре, относятся также цитаты из художественных текстов, мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты и т. п.

Такие ПТ, как «Двенадцать стульев» И. Ильфа, Е. Петрова, «Путь Абая» М. Ауэзова, хранятся в сознании не от первого слова до последнего, а как сжатый «образ», максимально уплотненное представление о нем, включающее сюжет, персонажей, какие-то детали и др. Обращение в речи к ПТ происходит, как правило, к этому представлению, которое может быть «развернуто», вербализовано [3, 47]. Обращение к ПТ осуществляется через связанные с ним символы: цитаты, имена персонажей, ситуации, которые актуализируют сам ПТ и порождаемые им коннотации.

Одним из способов существования ПТ является семиотический, который заключается в том, что ПТ является знаком, символом ситуации, текста, заключающейся в нем информация максимально свернута, сконденсирована, при этом обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в коммуникацию включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты [2, 217].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова писали, что существует некоторый механизм удобного свертывания и хранения ПТ в виде отдельного слова, словосочетания или фразы. Этот процесс свертывания авторы называют текстовой редукцией. Они обратили внимание на то, что за каждым крылатым словом обнаруживается текст или ситуация [4, 73].

Так, романы И. Ильфа, Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» явились источником множества ПТ, которые возникли в результате текстовой редукции: *Есть еще от жилетки рукава, круг от бублика и мертвого осла уши; Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?; И разошлись, как в море корабли!* («Двенадцать стульев»); *Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения* («Золотой теленок») и др.

Напр., выражение Остапа Бендера *Почем опиум для народа?*, обращенное к отцу Федору, отсылает к вертикальному контексту, создаемому фоновыми знаниями, – к высказыванию К. Маркса *«Религия есть опиум для народа»*. Впоследствии выражение Остапа Бендера, а не К. Маркса становится прецедентным и порождает новые смыслы. Напр., в заголовках газетных статей этот ПТ приобретает различные значения, его употребляют, когда речь идет: а) о религии: *«Почем «опиум для народа»: Израиль и Европа»* (Израиль потратит на религию около 2,2 млрд. шекелей в год, или 0,7% государственного бюджета); б) о наркотиках (опиуме): *«Почем опиум для народа?»* (о вреде наркотиков и последствиях их употребления); в) об обмане *«Почем опиум для народа?!»* (о минусах старых некачественных иномарок) и др.

Известно, что всякая культура стремится выработать свою систему идентифицирующих признаков, позволяющих отличать «своих» от «чужих». Одним из таких признаков является знание или незнание носителем той или иной лингвокультуры определенных текстов, которые получили название прецедентных.

ПТ образуют о б щ е ч е л о в е ч е с к у ю культуру (с е м и о с ф е р у), которая, как писал Ю.М. Лотман, сама может рассматриваться как текст. Культура – «это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов. Поскольку само слово *текст* включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «текст» его исходное значение» [5, 72].

М.М. Бахтин считал, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу... Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безгра-

ничное прошлое и в безграничное будущее)» [1, 384, 393].

Без знания ПТ, которые представляют собой одну из составляющих лингвокультурологической компетенции, полноценное общение в лингвокультурной среде затруднительно. Знание таких текстов свидетельствует о принадлежности человека к определенной социально-культурной группе, нации, эпохе, т.е. к кругу «своих», а также является показателем высокой речевой и общей культуры. Наоборот, незнание ПТ – показатель невключенности человека в культуру своего народа, признак низкой культуры речи.

ПТ служат основой обучения, социализации, аккультурации ребенка, при помощи них он обучается родному языку, ПТ, становясь учебным материалом, входя в программы школьного обучения, частично заучиваются наизусть; их знание общественно осознается как необходимый признак образованного, «культурного» человека [6, 44].

У представителей каждой лингвокультуры, жителей каждой страны имеется свой корпус ПТ, известных данной лингвокультуре и не знакомых членам других лингвокультур. ПТ, будучи «костяком фоновых знаний», обеспечивают ощущение принадлежности к одному культурному сообществу.

Теория ПТ Ю.Н. Караулова получила развитие в работах И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Д.В. Багаевой [3; 7]. Они предложили разграничивать следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации.

Прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу. Обозначать ПС может прецедентное имя или прецедентное высказывание, напр., ПС вавилонского столпотворения, которым объясняются причины многоязычия, смешения языков и рассеяния на земле людей, наказанных за намерение создать в Вавилоне столп, который должен был достать до неба, может обозначаться единицами: *Вавилонское смешение языков* «бестолковый, шумный разговор»; *Вавилонская башня* «что-то очень огромное, какое-то нескромное, показное дело»; *Вавилонское столпотворение* «беспорядок, суматоха, шум, неразбериха».

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества, напр.: «Евгений Онегин», «Война и мир», «Путь Абая», «Кровь и пот (Қан мен тер)», тексты песен, анекдоты, реклама и др. Обращение к ПТ возобновляется через связанные с ним прецедентные высказывания или прецедентные имена, напр.: *Татьяна, Пьер Безухов, Абай, Тогжан, Легко на сердце от песни веселой* и др.

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемая, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, напр.: *Счастливые часов не наблюдают; Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь; В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Что имеет – не храним, потерявши плачем.*

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное с широко известным ПТ (*Колобок, Печорин, Дон Жуан, Людоедка Эллочка, Алдар-Косе, Кыз-Жибек, Кобланды, Двуликий Янус*) или с ПС (*Иван Сусанин, Колумб, Балуан Шолак, Махамбет*). ПИ может быть знаком, символом ПС, напр., *Иуда* – предательство, *Плюшкин* – скупость, *Колумб* – первооткрыватель, *Махамбет* – поэт, неутомимый борец за справедливость, *Балуан Шолак* – борец, поэт, *Кобланды* – батыр.

ПИ *Алдар-Косе* имеет источником казахские народные сказки, анекдоты о сыне бедняка, находчивом и хитром Алдар-Косе, который защищает бедных и с помощью ума, ловкости обманывает и наказывает жадных богачей, лентяев, глупцов и даже чертей: *Жил в одном ауле безбородый хитрец Алдар-Косе. Глаза у него были острые, ноги быстрые, руки проворные, а ум еще проворнее. Любил Алдар-Косе пошутить и посмеяться, особенно над глупцами и скрягами. Богатства у него не было, но хитростью он не раз добывал себе на обед жирного барана.*

Сказки о нем называются так: «Жадный бай и Алдар-Косе», «Бай Утежан и Алдар-Косе», «Алдар-Косе и скупой друг», «Как Алдар-Косе увел коня у вора», «Алдар-Косе и черти», «Алдар-Косе и дьявол», «Как Алдар-Косе перехитрил тигра» и др.

В казахской лингвокультуре ПИ *Алдар-Косе*, представляя собой свернутый текст, выражает идею о том, что жестокость, несправедливость, глупость можно победить умом, хитростью, шутками, смехом.

Общенациональное инвариантное представление, стоящее за прецедентными феноменами, структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о прецедентном феномене называют инвариантом восприятия [3, 61, 68].

Инвариант восприятия прецедентного феномена включает в себя: 1) дифференциальные признаки того или иного феномена, напр.: *Пушкин* – гений, *Алдар-Косе* – находчивый, хитрый, справедливый; 2) атрибуты – все, что в сознании связывается с данным феноменом, но не является необходимым для его определения, напр.: *Обломов* – халат, диван, *Чебурашка* – большие уши, *Карлсон* – пропеллер; 3) оценку, т.е. одну из точек на оси «хорошо / плохо» [8, 26; 3, 61, 69].

Прецедентные феномены определяют шкалу ценностей данной лингвокультуры, формируют набор «героев» и «злодеев». Их функция близка функции мифа: представление, стоящее за прецедентным феноменом, является «свернутым» мифом [8, 26].

Так, ПИ *Чингисхан* для тюрков, монголов имеет особый смысл – «легендарный полководец, гениальный человек, великий хан, сумевший объединить все монголызычные племена в одно единое государство». Однако для носителей других лингвокультур, с ним связаны другие ассоциации.

В ситуации, когда нужно объяснить иностранцу, кто такой Чингисхан, мы максимально сжато, при этом максимально информативно изложим самую «суть», которую знают все представители данной лингвокультуры. Это и будет вербализацией инварианта восприятия ПИ «великий полководец, мудрый, организатор, завоеватель, имеющий непреклонную волю, самообладание».

ПТ и ПС, как отмечалось выше, могут выражаться через ПИ и ПВ. Интересными в этом плане являются ПИ *Дон Кихот* и ПВ *Рыцарь печального образа, сражаться с ветряными мельницами*, апеллирующие к инварианту восприятия: «благородный чудака, пытающийся действовать сообразно своим убеждениям, без учета реальности». Обращение к ПТ – роману М. Сервантеса «Дон Кихот» – позволило проследить, как названные единицы в процессе

текстовой редукции получили статус прецедентных, «прочсть» выраженный в них образ Дон Кихота как минимизированный текст.

Роман М. Сервантеса представляет собой многомерное дискурсивное пространство. Он включает несколько возможных миров, взаимодействием которых формируется сложный образ Дон Кихота, «претерпевший» трансформации от фантазера, безумца до благородного чудака, идеала благородства. В романе описывается несколько миров: рыцарский, мир рыцарских романов – с идеальным образом рыцаря, преисполненного достоинства, чести и отваги; воображаемый, выдуманный мир Дон Кихота – Рыцаря Печального Образа; реальный (Испания начала XVII в.) – с образом безумного, комичного Дон Кихота.

Рыцарский мир представлен в романах, чтению которых с жаром и увлечением отдавался Дон Кихот. Пародийность образа Дон Кихота заключается в том, что он, начитавшись рыцарских романов, вообразил себя странствующим рыцарем и решил вернуть в мир справедливость. Возможный вымышленный мир Дон Кихота – это модель, созданная им по образу и подобию мира рыцарских романов. Ср. слова, обозначающие процесс его превращения в рыцаря: *сделаться странствующим рыцарем; из степенного идалго превратился в странствующего рыцаря; Наш идалго твердо держался того мнения, что если произошла переменна в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина*, кличка коня *Росинант* (*росин* – «кляча», *анте* – «прежде и впереди»), т.е. то, что было клячей когда-то, а также кляча, идущая впереди всех остальных) и др.

Дон Кихот принял мир иллюзий за реальный мир, который он хотел «переделать» по образцу выдуманного им мира. Исполняя свой рыцарский долг, он не считался с желаниями тех, кого он защищал; его внешний вид, поведение, речь не вписывались в общественные нормы реального мира. Это и обусловило отношение к Дон Кихоту с неуместными рыцарскими стереотипами поведения как к странному, чудному, смешному, в конечном счете – признанию его сумасшедшим, безумным: *Теперь у спутников Дон Кихота уже не оставалось сомнений в том, что у него помутился рассудок и какой именно вид умственного расстройства овладел им.*

ПИ *Дон Кихот*, ПВ *Рыцарь Печального Образа* имеют следующие варианты восприятия: «человек, желающий совершать различные подвиги, но попадающий в комичные ситуации из-за неуместности своего поведения»; «странный для окружающих человек, рыцарски-самотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра»; «фантазер, оторванный от жизни, вступающий в борьбу с реальным или кажущимся злом, но не учитывающий трезво своих сил, не осознающий, что борьба его бесполезна и что он вызывает у всех только насмешки» [9, 196-197].

Это подтверждают данные «Русского ассоциативного словаря», который, как известно, позволяет проникнуть в социально-историческую память и сознание носителей русского языка. Среди реакций на слово-стимул *Дон Кихот* выделяются признаки, актуализирующие смыслы инварианта восприятия анализируемых прецедентных феноменов: рыцарь (*рыцарь, герой, воин, молодец, мужик*); романтик (*романтик, любовь, добрый, путешественник*); безумный (*придурок, дурак, идиот, больной, ненормальный, фантазер, чудаки, чудики*) [10, 52].

В русском языке имя *Дон Кихот* стало нарицательным, от него образовались слова *донкихотство, донкихотизм* в значении «наивное, беспочвенное фантазерство», *донкихотствовать* – «вести себя как Дон Кихот».

Таким образом, взаимодействие различных миров романа породило прецедентные феномены, которые прошли путь от обозначения антипода рыцаря – безумного, комичного искалителя приключений до трогательного идеала рыцарства и доблести. Судьба распорядилась так, что *Дон Кихот* «вдруг самым непостижимым образом сделался в мировой культуре идеалом рыцарственности и крепости духа» [11].

ПИ, обладающие широкой известностью в рамках определенной лингвокультуры, могут получать понятийное содержание, в результате указывать на конкретного индивида и обозначать группу лиц, приписывая им определенные признаки, качества, т.е. функционировать подобно нарицательным существительным. За ПИ закрепляется определенное значение [8, 26].

Так, имя *Наполеон* обозначает французского полководца и государственного деятеля, став прецедентным (ср.: *Мы все глядим в Наполеоны* (А.С. Пушкин)), оно имеет значение «люди, которым свойственны черты характера Наполеона: эгоизм, гордость, честолюбие, чувство исключительности».

Имя литературного героя, исторического деятеля может становиться ПИ, называющим типичного носителя черт, свойственных кругу лиц, напр.: *Хлестаков* (по имени героя комедии Н. Гоголя) – наглый хвостун; *Гамлет* (по имени героя трагедии В. Шекспира) – сомневающийся человек, неспособный действовать решительно; *Отелло* (по имени героя трагедии В. Шекспира) – ревнивец; *альфонс* (по имени героя комедия А. Дюма) – мужчина, находящийся на содержании у любовницы; *меценат* – богатый покровитель искусства, ментор, наставник и др.

В последние годы, когда кризисный, переломный этап в жизни общества отразился на языке, отмечается процесс карнавализации окружающей действительности, который стимулировал и карнавализацию русского языка. В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова ссылаются на слова М.М. Бахтина о том, что персонаж карнавала несет одновременно идею и развенчание ее.

Обновление оценок и смыслов, стиля в целом, принципом которого становится «и о серьезном несерьезно, с шуткой и весело», «принимает формы карнавала: привычные естества выступают под личинами, а переодевание, напяленные на них костюмы и маски то в самом деле высвечивают истинную сущность, то лишь создают ее видимость» [4, 9].

Ученые назвали свою книгу «Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века». Название книги является примером карнавализации как явления языка и культуры. В основе названия лежит ПВ *Никто не вливает новое вино в ветхие мехи*, возникший на основе текста Библии: *И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше* (Евангелие от Луки).

По мнению ученых, «карнавал все же – лишь видимость обновления, ибо он отталкивается от известного (от старых мехов!), но пытается переосмыслить, переоценить, высмеять его (т.е. влить в них молодое кислое вино)» [6, 9].

В современных газетных заголовках чаще встречаются трансформированные ПТ как признак карнавализации языка. Такие единицы делают текст диалогичным, поскольку для их понимания необходимо активное соучастие читателя. За ПТ тянется «текстовый шлейф», без знания которого информация для читателя

будет непонятной. Значение ПТ складывается из значения фразы, контекстного смысла, унаследованного из текста-источника, и приобретенных смыслов, развивающихся в процессе функционирования данного выражения в речи.

Среди способов трансформации исходного ПТ отмечаются следующие: замена компонентов, усечение компонентов, добавление компонентов. Приведем ПТ, функционирующие в заголовках статей казахстанских и российских газет:

«*Лед, похоже, тронулся*» (о переговорах делегации ООН с багдадскими властями), ссылка на ПТ из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» «*Лед тронулся, господа присяжные заседатели!*»;

«*Молодым везде дорога*» (об уровне безработицы среди молодежи в Магаданской области), источник – строки *Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет* из «Песни о Родине» композитора И. Дунаевского;

«*Маленький секрет большой кампании*» (в борьбе с безработицей, поставлена галочка; куда ушли деньги фонда): ПТ отсылает к строкам песни из мультфильма «*Большой секрет для маленькой компании*»;

«*Нам не нужно яйцо золотое. Лучшие простое, но свое*» (о поддержке отечественных производителей яиц – птицефабрик, а не дорогих привозимых), источник – сказка «*Курочка Ряба*»: *Снесла курочка яичко, да не простое – золотое*;

«*Окно в Азию*» (Казахстанские студенты-предприниматели увезли сразу шесть бизнес-проектов в Малайзию для участия во Все-миром кубке SIFE (студенты в свободном предпринимательстве)), ссылка на фразу *В Европу прорубить окно* из поэмы А.С. Пушкина «*Медный всадник*», характеризующая основание Петром I города Санкт-Петербурга – первого морского порта Московского государства;

«*Ударили иском по бездорожью*» (Горожане добиваются от акимата капитального ремонта дорог через суд), намек на фразу из романа И. Ильфа и Е. Петрова «*Золотой теленок*»: *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству* и др.

Еще примеры использования прецедентных феноменов в газетных заголовках как проявление карнавализации русского языка: *Обратная сторона рекламы*; *Тише скажешь – дальше выйдешь*; *Рок изобилия*; *Трагедия в шести терактах*; *Век живи, учись быстрее*; *Бороться и искать, найти и перепрятать*; *Пришел, увидел – побелил*; *Культура требует жертв*; *Сдавайся, кто может* и др.

Таким образом, проведенный анализ прецедентных феноменов подтверждает справедливость слов Р. Барта: «Основу текста составляет... его *выход* в другие тексты, другие коды, другие знаки; текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности». Поэтому «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту..., текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат – из цитат без кавычек» [12, 428].

Литература:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и русская языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73-76.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб., 2000.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
7. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 82-103.
8. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захарова, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
9. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, Образные выражения. – М.: Правда, 1986. – 768 с.
10. Русский ассоциативный словарь. – Кн. 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч.III. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1998. – 204 с.
11. Национальный корпус русского языка / www.ruscorpora.ru
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 616 с.

Мәтіндік редукцияның нәтижесі ретінде прецедентті феномендер талданып, олардың түрлері қарастырылады: прецедентті мәтін, прецедентті жағдай, прецедентті есім, прецедентті пікір, белгілі бір лингвомәдениетте олардың қызмет ету ерекшеліктері, тіл карнавализациясының көрсеткіші болатын трансформацияланған прецедентті мә-тіндер.

The article researches the precedent phenomena as a result of textual reduction, analyzes various types of it: precedent text, precedent situation, precedent name, precedent expression, features in different lingua cultures, transformatal precedent texts as a representation of a word-play of language.

Онимическая семантика и её специфика

В. И. Супрун¹, Г. Б. Мадиева²

¹д.ф.н., профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия

²д.ф.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена аналитическому обзору активной дискуссии о наличии/отсутствии значения у имён собственных, начавшейся еще древние века. Эта проблема постоянно получает новые импульсы для размышления при обращении к ранее не исследованным или слабо изученным именам, к специфическим разрядам и типам онимов, к языкам разной типологии и генеалогии. Каждое следующее осмысление этой проблемы становится новым шагом на пути к недостижимой цели – создать непротиворечивую и полную теорию имени собственного.

Дискуссия о наличии или отсутствии значения у имён собственных стала *res permanenta* для ономастики. Она велась учёными в момент зарождения науки, что прекрасно описано в монографии А.В. Суперанской (1973: 45-112), вспыхивала с разной степенью интенсивности в последующие годы. Мало кто из ономастологов

и лексикологов удержался от желания порассуждать о семантике онима. В современной лингвистике существуют различные взгляды на вопрос о значении и семантике имени: от структурно-языкового содержания имени собственного, «редуцированного» или ослабленного значения имени собственного, энциклопедическое